

К. С. Жуков

ПЕТР ВЕЛИКИЙ — КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ ПЕТЕРБУРГА

Петербургский пантеон

Самосознание петербуржцев всегда в очень большой степени определялось многочисленными фантастическими представлениями об этом городе. Систему этих представлений культурологи называют петербургской мифологией. О некоторых ее элементах, объясняющих смысл, предназначение и судьбу Петербурга, шла речь в статье «О вреде и пользе мифологии» (ПЧП, № 21, 1999 г.).

Весьма существенной частью петербургской мифологии являются культы исторических личностей или неких безымянных персонажей, совокупность которых вполне может быть названа петербургским пантеоном.

Петербургский пантеон формировался в течение трех веков существования города и отразил в себе все перипетии его истории. Например, здесь до сих пор достаточно распространено почитание коммунистических вождей В.И. Ленина и особенно С.М. Кирова, и при этом приверженцами монархизма усердно и небезуспешно насаждается культ Николая II (один из центров поклонения последнему русскому царю — Федоровский собор в Царском Селе). В петербургском пантеоне представлены также различные пласты культуры и искусства: наряду с М.В. Ломоносовым или Д.М. Менделеевым в нем присутствуют, скажем, рок-кумиры В. Цой и М. Науменко. И даже легендарный вор-налетчик Ленька Пантелеев.

Жуков Константин Сергеевич (р. 1964) — член совета региональной политической партии «Свободный Петербург».

Адрес: 197022, С.-Петербург, Большой пр. П.С., д. 77, кв. 5.

Тел.: (812) 346-41-30.

E-mail: zhucha4@mail.ru

Существует также достаточно широкая область пересечения петербургского пантеона и сонма христианских святых. В первую очередь следует назвать апостолов Петра, Павла и Андрея. (Заметим, что тот из учеников Христа, чье имя носит город, не имеет в современном сознании петербуржцев статуса, соответствующего этому обстоятельству.) Причисленные к лику православных святых благоверный князь Александр Невский, юродивая Ксения Петербургская и праведник-чудотворец Иоанн Кронштадтский особо почитаются в Петербурге и не только в религиозной среде.

При всем этом петербургский пантеон не представляет собой нечто окончательно сформировавшееся и завершенное. Наоборот, процесс разрушения одних культов и установления других необычайно активизировался в последнее десятилетие. Это вызвано тем, что сегодняшний Петербург находится в состоянии напряженного поиска пути своего дальнейшего развития, и в этом поиске ему необходимы идеологические ориентиры. Маяковский себя под Лениным чистил, чтобы плыть в революцию дальше; Петербургу, чтобы плыть в нужном направлении, стоит задуматься, под кем себя чистить.

Культурный герой

В разветвленной и многоуровневой структуре петербургского пантеона есть безусловная доминанта — герой, чья роль в истории города не может быть переоценена. Речь идет, конечно, о Петре I.

В фольклористике существует термин «культурный герой». Так называется персонаж, который добывает или создает для людей огонь, орудия труда и средства мореплавания, культурные растения и другие предметы культуры, учит их охотничьим приемам, ремеслам, искусствам, вводит социальную организацию, брачные правила, магические предписания, ритуалы, праздники и т.д.

Все это может быть отнесено к реальной деятельности Петра I. Он научил русских строить корабли и управлять ими, ввел употребление картофеля, создал систему государственного управления и Табель о рангах, учредил новое летоисчисление и празднование Нового года в январе, начал издание газет и основал первые музеи, приказал носить одежду европейского фасона и разработал новый алфавит. Такие и подобные им задачи в древних верованиях исполнял культурный герой.

Сходство Петра с мифологическим культурным героем легко обнаруживается и во многих других деталях. Например, именно к царствованию Петра относятся уникальные для российской истории случаи, когда на троне одновременно находились два брата — сам Петр I и его сводный брат Иоан V. А как утверждают мифологи, культурными героями часто являются братья-близнецы — положительный и подражающий ему отрицательный. И даже после смерти Иоана образ двойника как бы продолжал сопутствовать Петру — народная молва долгие годы видела в нем ложного, подменного правителя, обманом занявшего место истинного царя и переиначивающего его замыслы.

Даже черты внешнего облика Петра, например, его высокий рост, трактовались нередко как сверхчеловеческий признак.

Отец-основатель

Отдельную категорию культурных героев составляют мифические основатели городов. И здесь мы тоже обнаружим обширнейшие совпадения с историческим обликом основателя Петербурга.

Подобно Риму, Кракову или Киеву Петербург носит имя своего основателя. Правда, мы привыкли считать, что крепость, а за ней и город были названы вовсе не в честь монарха, а в честь его небесного покровителя святого апостола Петра. Однако отсутствие в слове «Санкт-Петербург» притяжательного суффикса «s» (ср. «Sankt-Petersburg») позволяет переводить это название не как «Город святого Петра», а как «Святой город Петра». Впрочем, в этом обстоятельстве можно видеть всего лишь недоразумение. Как бы то ни было, и в петровские времена, и сейчас (особенно сейчас), в названии города выделяли в первую очередь имя основателя. А уж условно-поэтические «Петроград», «Петрополь», «Град Петров» и пр. имели в виду исключительно российского самодержца.

Многие древние мифы, повествующие о закладке городов, делают основателя города еще и непосредственным его строителем. Так камни и бревна для строительства Таллина доставлял на собственных плечах богатырь Калев. Петр с его приверженностью к физическому труду и в этом отношении вполне укладывается в образ мифического отца-основателя.

Еще один мотив является существенным для фольклорного образа культурного героя: он часто выступает борцом со стихийными природными силами, которые пытаются смести установленный порядок — драконами, змеями или другими чудовищами, возмущенными духами воды, грозящими людям потопом, и т.п. Присутствовал этот мотив и в деятельности Петра в связи со строительством Петербурга, которое всегда воспринималось как насилие над природой, как укрощение ее. И хотя, помещая змею под ноги царскому коню, Фальконе, конечно, не желал изобразить Петра победителем хтонических чудовищ, тем не менее и такой смысл в знаменитом памятнике при желании можно отыскать, что и было сделано в некоторых народных преданиях.

Подводя итог всему сказанному, можно констатировать: реальный российский царь Петр Алексеевич многими чертами личности и своей исторической ролью оказался схож с мифологическим персонажем определенного типа — культурным героем. (Кстати, ситуация, когда историческое лицо выступает в роли культурного героя, вовсе не уникальна. Таковы, например, Чингисхан и Александр Македонский.)

Вполне возможно, что и сам Петр, будучи воспитан в атмосфере традиционной культуры, осознавал свою историческую миссию, как миссию культурного героя, и вольно или невольно подстраивал свое поведение под мифологические образцы.

Благодаря всем этим обстоятельствам исторический Петр с необыкновенной легкостью шагнул из истории в миф. Любая идеологическая

система, появлявшаяся впоследствии в России, неизбежно рано или поздно обращалась к образу великого реформатора и создавала свой вариант мифа о Петре I. Каждый из них основывался на гипертрофировании одной или нескольких черт его личности и деятельности, прочие же черты отодвигая в тень.

Первые два варианта мифа о Петре возникли еще при жизни императора.

Царь-антихрист

В сущности оба мифа явились реакцией на осуществлявшиеся Петром преобразования. Петр воспринимался как некая сила, полностью разрушившая прежнее мироустройство и создавшая новое. В первом варианте мифа делался упор на разрушение, идеализировалось старое и не принималось новое. И, стало быть, в Петре воплощалось злое, сатанинское начало.

Представление о том, что царский трон занимает не отпрыск «тишайшего» царя Алексея Михайловича, а сам Антихрист, явившийся в мир «смущать» человеческие души перед наступлением судного дня, было в правление Петра почти всеобщим. Разумеется, ни в каком дозволенном виде оно не проявлялось ни тогда, ни в последующие несколько царствований. Более ста лет миф о Петре-Антихристе бытовал исключительно в устной форме и в потаенных раскольничьих писаниях. За это время его влияние на умы сильно убавилось: жизнь брала свое, к нововведениям люди привыкали, а страшные пророчества не сбывались. Однако подспудное существование этого мифа продолжалось. Возможно, впервые в русском подцензурном тексте он проявился в первой редакции гоголевского «Портрета». Страшному ростовщику, земному воплощению сатаны, Гоголь дал фамилию Петромихали, зашифровав в ней известный псевдоним царя — Петр Михайлов.

В середине XIX в. усилиями наиболее радикальных писателей-славянофилов миф о царе-антихристе получает новые импульсы к существованию (см., например, стихотворения К. Аксакова «Петру» и М. Дмитриева «Подводный город»), однако их оказывается недостаточно для его реанимации. В дальнейшем этот миф продолжает свое маргинальное существование в русской культуре, оказываясь востребованным в моменты самых острых идеологических кризисов. Так в предреволюционные годы он явился одной из составных частей образа Петра в романе Д. Мережковского «Антихрист». В ранний советский период, примерно до конца 20-х гг., когда Петр I, лишенный титула «Великий», рассматривался исключительно как один из череды царей-кровопийц, паразитировавших на страданиях народа, миф об антихристе на троне вновь дал о себе знать (см.: Б. Пильняк «Петербуржская повесть или Святой камень»).

Некоторые рецидивы этого мифа можно порой обнаружить даже в современной публицистике.

Царь-демиург

Второй вариант мифа, в сущности, базировался на тех же посылах, что и первый, однако давал им прямо противоположную оценку, и, со-

ответственно, обожествлял самого Петра, как воплощение благодостной со- зидательной силы.

Конечно, следует иметь в виду, что для средневекового сознания, не- которые черты которого продолжали существовать вплоть до XX в., было свойственно обожествление личности монарха, однако в случае с Петром это обожествление носило совершенно особый характер. Петр в глазах ревнителей церковного благочестия совершенно дискредитировал себя гонениями на духовенство и монашество, упразднением патриаршества, неуважением к православному обряду, обычаям и святыням и пр. Поэтому почитание Петра его современниками происходило не в русле право- славной церковной традиции, как это было с его предшественниками на российском престоле. Петр выступал в глазах его приверженцев не еще одним святым праведником, утверждающим незыблемость древней веры, а основателем новой веры, новым пророком, новым земным воплощени- ем божества. При этом все предшествующее его деятельности «объявля- лось как бы несуществующим или по крайней мере не имеющим истори- ческого бытия, временем невежества и хаоса» (Е.В. Анисимов).

Один из типичных примеров такой интерпретации личности царя и его деятельности — «Слово на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича, в котором он уподобляет своего усопшего покровителя биб- лейским титанам Самсону, Иафету, Моисею, Соломону и Давиду, а так- же основателю православия Константину Великому.

Открытие 7 августа 1782 г. знаменитого фальконетовского монумента явилось важнейшим пунктом в развитии культа царя-демиурга. Памят- ник, материализовал тот образ богоподобного героя, который уже сло- жился в народном сознании. Сенатская площадь стала главным местом мистического общения с духом великого императора, потеснив в этом отношении и деревянный домик на Петербургской стороне, и Летний сад с дворцом, и гробницу в Петропавловском соборе. О встречах на Сенатской площади с призраком Петра или с ожившим памятником рас- сказывают многочисленные предания. Посредством обращения к статуе высказывают свои «претензии» императору герои петербургской лите- ратуры от пушкинского Евгения до ремизовского Маракулина и терро- риста Дудкина из романа А. Белого «Петербург».

В литературе XVIII и начала XIX в. практически любое упоминание о Петре включает в себе прямое или косвенное отождествление его с бо- жеством. Таким образом, Пушкин, изображая во вступлении к «Медному всаднику» Петра в облике бога-творца, следовал весьма развитой тради- ции. Впрочем, обретя у Пушкина свое пиковое воплощение, эта традиция затем несколько стусевывается. На протяжении второй половины XIX в. она лишь изредка напоминает о себе, например, у К. Случевского:

И поставлен Петр Великий
Над другими исполином!
Как его, гиганта, мерить
Нашим маленьким аршином?
Где судить траве о тыне,
Разрастаясь по-над тыном?

Серебряный век русской литературы вновь воскресил титаноподобный образ Петра I. Для Д. Мережковского, А. Белого, А. Блока Петр являлся фигурой исполинского масштаба, находящейся, подобно ницшевскому Заратустре, «по ту сторону добра и зла». Такое восприятие как бы объединяло два мифа, точнее, делало несущественным их различие. Правда, И. Анненский, в целом разделяя такой взгляд на царя-«чародея», пророчески предсказывал скорое крушение его культа: «В темных лаврах гигант на скале, — Завтра станет ребячьей забавой». Впрочем, как мы увидим далее, он оказался прав лишь отчасти,

«Государственный» миф о Петре

После декабрьского восстания 1825 г. начинается переосмысление властью многих постулатов, происходит поиск новых идеологических формул, самой успешной из которых стала уваровская: «Православие, Самодержавие, Народность». В духе этой формулы разрабатывается и получает официальное одобрение новый вариант мифа о Петре Великом. Западничество Петра, бывшее основой и предыдущих вариантов мифа, теперь интерпретируется как потребность в некоторых заимствованиях из области государственного и военного устройства, сделанных для того лишь, чтобы победить Европу в лице Швеции и заставить другие страны считаться с могуществом великой российской державы.

В характере Петра обнаруживаются прежде особенно не замечавшиеся милосердие и религиозность. Постоянным мотивом многочисленных исторических романов, повестей, драм николаевского времени является прощение Петром его раскаявшихся противников, например, участников стрелецких бунтов. Прощение это всегда происходит непросто: ему предшествуют ссылки на закон, перед которым все равны, однако, в конце концов, царское великодушие оказывается выше бездушного закона, и царь, «виноватому вину отпускает, веселится, чашу пенит с ним одну». Характерен сюжет новеллы «Авдотья Петровна Лихончиха» одного из популярнейших литераторов середины XIX в. Н. Кукольника: прощенный Петром, но не раскаявшийся «буйный стрелец», выходя за ворота своей темницы, бросается в ярости на верного царского слугу, но падает и разбивается насмерть. Божеский суд, охраняющий безопасность российской державы, оказывается строже, чем суд царский.

Отношение Петра к православной церкви тоже подвергается резкому переосмыслению; теперь в яростном гонителе церковного благочестия видится истинно православный государь. Вот, например, разговор уличных зевак по поводу петровского Всешутейшего Собора из повести А. Башуцкого «Петербургский день в 1723 году».

«— Что тут церковь православную путать? Сказывают-те, голова, немецких попов осмеивают: где ж тут божественное?»

— Вестимо немецких, — сказал другой. — Нет, брат, знаем мы, государь над православной церковью не шутит, да и шутить не позволит. Всякий праздник батюшка в церкви, а бывало у Троицы сам читает Апостол и поет на крылосе всю обедню».

Еще одним новым акцентом в мифологическом образе Петра, созданном в николаевскую пору, явилось подчеркивание простоты царя-реформатора, его любви к ремеслу, народной еде, народному юмору. Классический пример стихотворение А. Майкова «Кто он?», бывшее в XIX в. примерно тем же, чем «Ленин и печник» в XX. Да и сюжеты сходны: предубежденность простолюдина по отношению к властителю сменяется после знакомства восторженной любовью.

Мифу о «православном, самодержавном, народном» царе была суждена долгая жизнь. Причина этого заключается в том, что этот миф явился одним из столпов, поддерживающих здание имперской идеологии. А.Л.Осват и А. Б. Рогинский назвали его «государственным мифом».

Государственный миф о Петре Великом доминировал в массовом сознании россиян вплоть до 1917 г. Особенно характерными были его проявления во время праздничных мероприятий, посвященных 200-летию основания Петербурга. В те юбилейные дни в Петербурге были устроены многочисленные выставки, воздвигнуты временные скульптуры, декорации и диорамы, разыгрывались уличные спектакли и «живые картины». Разумеется, главным героем всех этих произведений «массовой культуры» был державный основатель города. Однако, как показала исследовательница О. Лихачева, его образ претерпел в них едва заметную, но очень важную трансформацию: из черт, составлявших облик императора в соответствии с государственным мифом, преобладающей явно становится народность. Петр представляется прежде всего царем-тружеником, царем-ремесленником, любящим свой народ, знающим его нужды и заботящимся о нем. Это был своеобразный «демократический», или точнее буржуазный образ отца-основателя, немного сходный с теми, что имеются у многих старых европейских городов: простой подмастерье достигает высот в ремесле, становится мастером, главой цеха, наконец, бургомистром и закладывает основы благосостояния города. Эта едва намечившаяся тенденция в восприятии великого государя была признаком начавшегося накануне революции становления буржуазной культуры в России и главным образом в Петербурге. События октября 1917 г. остановили этот процесс.

В годы утверждения советской «неоимперской» идеологии «государственный» миф о Петре, конечно без оттенка буржуазности, вновь пришелся ко двору. Теперь, разумеется, Петр являлся не центральным персонажем пантеона, а выполнял функцию предтечи. Тиражировалось высказывание Сталина: «Петр это капля в море, а Ленин — целый океан».

В полном соответствии с этим основанный Петром город получил новое имя и нового культурного героя. При всей неорганичности этого персонажа петербургскому пантеону, следует признать, что он прижился, и последующие несколько поколений ленинградцев искренне считали себя детьми «Города Великого Ленина». Петр при этом не был сброшен с пьедестала, просто отодвинут на задний план, где и просуществовал под сурдинку весь советский период.

А ныне?

Перестройка разрушила уже изрядно шатавшийся культ большевистского вождя. Но свято место пусто не бывает, город оказался перед необходимостью нового обретения культурного героя.

В июне 1991 г. состоялось событие, которое тогда многими расценивалось как сопоставимое по значению с открытием фальконетовского монумента: в самом центре Петропавловской крепости была установлена статуя Петра I работы М. Шемякина. Это произведение явилось отчетливой попыткой демифологизации образа «создателя города Санкт-Петербурга». Представленный художником образ далек от мифологической идеализации: он весь составлен из противоречий. Шемякинский Петр снят с пьедестала в прямом и в переносном смысле; его масштаб вполне человеческий.

Стремление к демифологизации образа Петра было выражено и в некоторых печатных публикациях. Одновременно с этим появилась тенденция к созданию или возрождению культов, более отвечающих духу времени, чем культ Петра. В этом отношении характерно желание мэра города А. Собчака установить в Петербурге памятник Александру II работы М. Антокольского, хранящийся в запасниках одного из музеев Кива.

Однако развиваться этим тенденциям было не суждено. Они оказались несопоставимо слабыми по сравнению с процессом возрождения культа Петра Великого.

В связи с этим весьма уместным представляется вспомнить мнение писателя М. Кураева, высказанное им в книге «Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург»: «Мифологизация истории, исторических биографий нам отлично знакома, мы выросли в пору расцвета исторической мифологии и знаем ее последствия, а потому едва ли можем сегодня относиться с доверчивой снисходительностью к мифу о Петре Великом, поскольку последствия его культа, увы, сказываются и в современной политике, и в современной идеологии, в конечном счете, в оправдании насилия и достижения цели «любой ценой» едва ли не больше, чем культ, не до конца и не очень искренне осужденный XX и XXII съездами партии».

В рейтинге популярности исторических деятелей Петр в Петербурге сейчас, безусловно, занял бы первое место. Его имя широко используется в названиях различных организаций, мероприятий, товаров — от банка и инвестиционного фонда до спортивного кубка и сигарет. Его изображение тиражируются на рекламных щитах, обложках журналов и шоколадных обертках. Редкое массовое мероприятие в городе происходит без участия усатого молодца, наряженного в камзол и треуголку и провозглашающего какое-нибудь «Да будет..!». Во всех этих случаях имя и образ Петра Великого используется как символ могущества и силы государства. Это позволяет сказать, что мы имеем дело с воскрешением мифа о Петре в его «государственном» варианте. Не случайными в этом отношении выглядят и установка по инициативе «государственника» Ю. Лужкова гигантского памятника Петру в Москве, и его портрет (Петра, разумеется, а не Лужкова) в кабинете Президента В. Путина.

Будущий миф о Петере — культурном герое Петербурга

Итак, все триста лет, что существует Петербург, Петр Великий был его культурным героем и, видимо, будет им и впредь. Сколько бы историки, культурологи и публицисты ни обнаруживали у Петра личных пороков и исторических просчетов, он всегда будет восприниматься петербуржцами прежде всего как создатель и благодетель города. И в этом отношении культ Петра непоколебим. Но при этом, как мы видели, в разные исторические периоды его образ поворачивался разными сторонами, в нем каждый раз выделялись черты, составлявшие идеологические ориентиры эпохи.

Происходящая сейчас реставрация государственного мифа о Петре I в его наиболее имперской, великодержавной версии явно не соответствует либеральным пристрастиям, демонстрируемым петербуржцами на всех выборах последних лет. Таким образом, вопрос об облике культурного героя современного Петербурга может и должен быть подвергнут глубокому переосмыслению.

Уместно с этой целью вспомнить о зарождавшемся в начале XX в. «буржуазном» варианте мифа о Петре. Есть основания полагать, что этот вариант в большей степени отвечает современным потребностям города, чем «имперский».

Будущий миф о Петре I — культурном герое демократического Петербурга должен, как представляется, сосредоточивать внимание на таких свойствах личности царя, как практицизм и рационализм, религиозная и национальная терпимость, неиссякаемое стремление к самоусовершенствованию, простота бытового поведения и общения. И главное — уважительное отношение к интеллектуальным ценностям Запада, стремление подражать ему.

Сам Петр и фигуры из его ближайшего окружения — А. Меншиков, П. Шафиров, императрица Екатерина — могут быть представлены как классические для западной культуры персонажи — «self made men». Деятельность Петра по организации государственного аппарата и созданию передовой по тем временам промышленности — что это, как не пример сверхэффективного менеджмента?! (Напомню, что многие государственные институты, введенные Петром, просуществовали сто, а то и двести лет!)

То, что такой поворот в восприятии культурного героя Петербурга возможен и органичен, имеет свои подтверждения. Три года назад в связи с трехсотлетием Великого посольства Голландия подарила Санкт-Петербургу копию с уничтоженной в советское время скульптуры Леопольда Бернштама «Петр I обучается в городе Саардаме в Голландии корабельному делу в 1697 г.». Она была установлена на прежнем месте, у восточного крыла Адмиралтейства. Оставив в стороне вопрос о художественных достоинствах этого памятника, отметим, что по сути он является воплощением только что рассмотренного нами варианта мифа о Петре. Кстати, Бернштамом была выполнена еще одна скульптурная группа, изображавшая откровенно мифологический сюжет, «Петр I спасает погибающих близ деревни Лахта в ноябре 1724 г.». Этот монумент, ныне,

по-видимому, безвозвратно утраченный, стоял у другого крыла Адмиралтейства, не более чем в ста — ста пятидесяти метрах от Медного всадника. Соседство многозначительное: у подножия «кумира на бронзовом коне» как бы незримо присутствует тень «бедного Евгения», превращая фальконетовский памятник в символ государства, безжалостного к судьбе «маленького человека». Произведение же Бернштама несло бы прямо противоположную идею: оно изображало властелина, не щадящего себя ради блага этих «маленьких людей».

Конечно, утверждение в Петербурге того или иного культа в том или ином варианте не зависит от желания одного человека. Однако, на мой взгляд, петербуржцам все же стоит задуматься о том, кому и в связи с чем они поклоняются.